

А. А. Козлов

**Свое слово. Философско-
литературный сборник**

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
А11

A11 **А. А. Козлов**
Свое слово. Философско-литературный сборник: Часть 2 / А. А. Козлов – М.:
Книга по Требованию, 2020. – 164 с.

ISBN 978-5-458-24941-6

Сборник, который философ-спиритуалист А.А. Козлов - один из первых представителей персонализма в России, начал выпускать вместо выходившего ранее журнала «Философский трехмесячник». Как и предшествующее издание, « Свое слово» состоит исключительно из статей самого автора. В этих публикациях он в итоговой форме формулирует свои философские взгляды, в которых развивает концепцию панпсихизма.

ISBN 978-5-458-24941-6

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Имѣя возможность работать только очень умѣренно, вслѣдствіе ослабленныхъ болѣзняю силъ, я все таки уже могу съ удовольствіемъ приступить къ печатанію и 2-го № моего сборника. Говорю съ удовольствіемъ, потому что, какъ ни ограниченъ кругъ моихъ читателей, но заявляемое ими сочувствіе къ моей дѣятельности въ области философскаго знанія ободряетъ и побуждаетъ меня къ продолженію этой дѣятельности и смягчаетъ то тяжелое положеніе изолированности и отчужденности, въ которомъ я нахожусь среди теченій, кружковъ и партій, господствующихъ въ нашей современной литературѣ. Позволяю себѣ надѣяться, что путь, по которому я иду, теперь узкій и безлюдный, по немногу и постепенно разширится и сдѣлается болѣе торнымъ въ ближайшемъ будущемъ и что, можетъ быть, я буду покидать временно—пространственное бытіе съ сознаніемъ, что я не бесплодно дѣйствовалъ въ области излюбленной мною науки.

Затѣмъ снова приглашая моихъ читателей обращаться съ своими вопросами по поводу напечатанного въ „Своемъ Словѣ“ (см. предисловіе № 1-го), я долженъ добавить къ этому приглашенію то, что было мною упущено изъ вида въ № 1-мъ. Добавленіе будетъ заключаться въ томъ, чтобы читатели или корреспонденты мои никакъ не опасались, что ихъ имена и личности какъ либо могутъ быть обозначены и обнаружены мною, когда я буду отвѣтывать на ихъ вопросы или недоумѣнія: въ этомъ отношеніи они могутъ вполнѣ довѣриться моей скромности.

Вопросы же, съ которыми обратятся ко мнѣ мои читатели, кроме возможной пользы для нихъ самихъ, будутъ имѣть не маловажное значеніе и для меня. Изъ нихъ я могу ясно усмотрѣть, какія стороны или пункты излагаемыхъ въ „Своемъ Словѣ“ воззрѣній наиболѣе затрудняютъ читателей или же возбуждаютъ въ нихъ сомнѣнія. Тогда, желая устраниТЬ эти сомнѣнія и вообще пріобрѣсти сочувствіе къ моимъ философскимъ убѣжденіямъ, я, въ дальнѣйшемъ изложеніи и развитіи ихъ, сосредоточу вниманіе и наиболѣе остановлюсь на этихъ затруднительныхъ и возбуждающихъ недоумѣніе сторонахъ и пунктахъ.

Если позволятъ силы, то и въ будущемъ году надѣюсь выпустить № 3-й моего сборника.

А. Н.

Января 18-го, 1889 г.

БЕСѢДЫ

СЪ ПЕТЕРБУРГСКИМЪ СОКРАТОМЪ.

БЕСЪДА ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ разговорѣ со мною, Карамазовой, Серебряковой и Красоткинымъ Сократъ поддерживаетъ ту мысль, что вообще въ философіи не выяснено и не опредѣлено систематическимъ образомъ понятіе бытія и что далѣе это понятіе у Канта сходно съ тѣмъ же понятіемъ Юма. Оба эти философа подъ словомъ: бытіе или существованіе, судя по тому, что яко выскажано ими, почти ничего не разумѣютъ, судя-же потому, что они принимаютъ тихо-молкомъ, подъ сущимъ разумѣютъ они то, что дано чувственному ощущенію. Въ этой бесѣдѣ Сократъ уклоняется нѣсколько въ сторону и, при помощи Синайского, касается вопроса объ такѣ называемомъ онтологическомъ доказательствѣ бытія Божія и, во-преки общераспространенному мнѣнію, утверждаетъ, что Кантъ вовсе не опровергъ этого доказательства.

Въ субботу вечеромъ я случайно легъ спать спозаранку, а потому и проснулся на другой день рано. Вспомнивши объ условіи быть сегодня у Сократа, я, по ассоціації ідей, сталъ размышлять о понятіи бытія у Канта и старался припомнить нѣкоторыя мѣста объ этомъ предметѣ въ его сочиненіяхъ.—При этомъ припомнаніи я почувствовалъ, что и прежде, и теперь главное затрудненіе заключалось въ неясномъ для меня терминѣ Канта: „положеніе (по нѣмецки Position) вещи“¹⁾. Это „положеніе“, какъ мнѣ казалось,

¹⁾ Объ этомъ „положеніи“ можно прочесть въ „Критикѣ чистаго разума“ Канта, переводѣ Владиславлева стр. 462. Примѣчаніе редакт.

и составляло всю суть и даже всю глубину кантовского понятія о бытіи. Безъ этого словечка: „положеніе“, мнѣ казалось мнѣніе Канта столь простымъ и обыкновеннымъ, что не нужно было быть великимъ философомъ, чтобы думать такъ, какъ думаетъ самый простой человѣкъ, что существуетъ то, что мы видимъ, слышимъ, нюхаемъ, или что дано въ опыта вѣшнихъ чувствъ и что, по этому, какъ выражается Кантъ, „понятіе бытія есть опытное понятіе“.

Возбуждаемый желаніемъ поскорѣе выяснить свое недоумѣніе, я быстро вскочилъ съ постели и послѣшилъ пить чай и одѣваться, чтобы переговорить съ Сократомъ насколько пораньше вдвоемъ, опасаясь, что, когда придутъ дамы, да Калгановъ, да Красоткинъ, то возникнетъ споръ, который можетъ какъ либо уклониться въ сторону, затянуться и тѣмъ продолжить мое состояніе сомнѣнія.

Часу въ 10-мъ я уже былъ у Сократа и засталъ его пьющимъ чай въ обществѣ какого-то молодаго человѣка. Оказалось, что это былъ студентъ духовной академіи, Синайскій, какъ называлъ его Сократъ, представляя насъ другъ другу. Повидимому, Сократъ и его гость прервали при моемъ появлѣніи происходившій у нихъ разговоръ, а потому, внутренно досадуя на помѣху моему намѣренію, я сказалъ: „пожалуйста, господа, продолжайте вашу бесѣду, которой я, какъ видно, помѣшалъ“.

Сократъ предложилъ, чтобы я налилъ себѣ по вкусу чаю и обратился съ вопросомъ къ своему собесѣднику: „Ну, такъ что же они?“.

Синайскій. Да что же это за наука, говорять они, если съ самыхъ оснований ея, съ первого шага начинается разногласіе. Возьмите, говорять, математику или физику; тамъ разногласіе, и то очень не на долго, возможно только въ самыхъ новыхъ, въ текущую минуту поднятыхъ, вопросахъ. Все же, что прежде сдѣлано въ наукѣ, всеми принимается безспорно, за исключеніемъ невѣждъ или какихъ либо чудаковъ, желающихъ прослыть оригиналами.

Сократъ. (Обращаясь ко мнѣ). Это говорять его знакомые и пріятели противъ философіи. (Обращаясь къ Синайскому). Да отъ того философы и разногласяютъ между собою, что все содержаніе той науки, которою они занимаются, состоитъ только изъ однихъ *первыхъ основаній*. Всѣ другія науки, а также математика и физика, именно потому и могутъ развиваться спокойно и при, до извѣстной степени, полномъ согласія ученыхъ, что первыя основанія для ихъ наукъ приняты ими готовыми и бесспорными. Все же остальное содержаніе этихъ наукъ есть только приложеніе къ чувственному опыту этихъ первыхъ основаній, напр., особенно въ физикѣ; или же—выводъ изъ этихъ первыхъ основаній какъ, напр., исключительно въ математикѣ. Хотя эта остальная часть содержанія этихъ наукъ образуется и медленно, но идетъ вѣрнымъ путемъ, руководясь твердо установленными законами логики и методологіи, общей и частной. Чѣмъ была бы математика безъ понятія величины, т. е., безъ признанія чего то такого, что можетъ быть больше и меныше? Далѣе, чѣмъ была бы она безъ признанія тождества вообще и затѣмъ тождества по величинѣ, или равенства? Чѣмъ была бы она безъ понятія обѣ единицѣ или обѣ единомъ въ противоположность множеству? Могла ли бы сдѣлать математика хотя одинъ шагъ впередъ, если бы ей нужно было заниматься вопросами о томъ, какое мы имѣемъ право понимать что либо тождественнымъ, что либо равнымъ и затѣмъ что либо противоположнымъ равному, т. е., большимъ или меньшимъ, понимать что либо еднимъ?! Есть ли у математики забота о томъ, существуютъ-ли единицы и множество ихъ, существуетъ-ли тождество? Могла ли бы существовать геометрія, если бы у ней отнять право на понятіе непрерывного и безконечно-дѣлимаго пространства? Могла ли бы существовать физика, если бы у ней отнять право признавать, что подъ видимымъ дѣломъ и слышимымъ звукомъ есть нечто, которое не есть этотъ цвѣтъ или звукъ и которое наполняетъ пустое пространство, перемѣняетъ въ немъ положеніе или движется? Что было бы съ математикой, если бы кто нибудь принялъ въ серьезъ

нападенія, напр., Юма¹⁾ на геометрію и объявили бы вмѣстѣ съ нимъ ложными ея понятія о геометрическомъ *равенствѣ* фігуръ и обѣ ихъ безусловномъ *сочиненіи* другъ съ другомъ, или утверждалъ съ нимъ ложность геометрическаго понятія о *прямой линіи*, или утверждалъ невозможность *дѣленія прямой линіи* и *вообще пространства* до безконечности и т. п. Конечно, геометры, вмѣсто открытія новыхъ теоремъ, превратились бы въ философовъ и начали бы спорить обѣ эмпірическомъ или интуитивномъ, или еще какомъ либо происхожденіи аксіомъ и геометрическихъ основныхъ понятій. Такъ то и всѣ другія науки стоятъ на готовомъ основаніи, а потому и могутъ болѣе или менѣе успѣшно идти далѣе.

Синайскій. А что если они на это скажутъ, какъ я слышалъ отъ одного серьезно занимающагося географіею учителя, что намъ неѣть никакой надобности входить въ нескончаемые споры о происхожденіи и дѣйствительности этихъ первыхъ основаній наукъ. Вѣдь, на дѣлѣ оказывается, что эти основанія, откуда бы они ни происходили, вѣрны; годность и значеніе результатовъ изъ этихъ готовыхъ основаній въ математикѣ и естественныхъ наукахъ ручается за вѣрность и годность самихъ основаній. Что намъ за дѣло до того, откуда мы беремъ ваши понятія величины, тождества, различія, равенства, единицы, непрерывнаго и безконечно-дѣлимаго пространства, прямой и кривой линіи въ математикѣ, или матеріи, наполняющей пространство, въ физикѣ? Далѣе, что намъ за дѣло до того, существуетъ ли или не существуетъ единство, тождество, пространство и матерія и т. п., если приложеніе этихъ понятій сперва въ математикѣ, механикѣ и физикѣ, а потомъ въ практическихъ прикладныхъ наукахъ отлично помогаетъ намъ строить зданія, мосты, желѣзныя дороги и т. д.?!

Значитъ,—вмѣсто без-

¹⁾ По поводу этихъ мнѣній Юма позволю себѣ предложить читателю справиться въ моей книгѣ „Генезисъ теоріи пространства и времени у Канта“, Кіевъ. 1884 года. Глава II-я. Примѣчаніе редактора.

плодныхъ занятій философіей, не лучше ли дѣлать дѣло, т. е., заниматься науками и улучшать нашу жизнь!

Сократъ. Вашъ знакомый, должно быть, побылъ въ атмосферѣ позитивизма, ибо это направление становится теперь популярнымъ и начинаетъ принимать общедоступныя и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно *суплигарныя* формы. Вашему знакомому и ему подобнымъ людямъ мы можемъ сказать, что самая главная ошибка высказаннаго имъ взгляда состоитъ, по моему, въ томъ, что онъ совершенно условное и имѣющее основаніе только во внѣшнихъ причинахъ, именно, въ слабости индивидуальныхъ силъ, раздѣленіе знанія на различныя и частныя науки возводитъ въ безусловный законъ, лежацій въ самой сущности знанія. Напротивъ, если принять въ соображеніе эту сущность, то отдѣльныхъ наукъ неѣтъ и не должно быть. Есть *одна* только наука, одинъ организмъ знанія, какъ есть одна только органическая жизнь. Если мы будемъ принимать, напр., гигиеническія мѣры для правильности функцій нервной системы, органовъ движения, органовъ дыханія, оставивъ безъ заботъ и въ пренебреженіи органы пищеваренія и кровообращенія, то несомнѣнно придемъ къ разстройству всей нашей органической жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣхъ самыхъ органовъ, о которыхъ мы заботились. Точно тоже можно сказать и о системѣ знанія. Оно, подобно самой познающей душѣ, *едино и нераздѣльно*, выражается ли оно въ первыхъ основныхъ понятіяхъ и въ ихъ приложеніи къ опыту, или же въ выводахъ изъ нихъ, или же въ объясняющихъ факты гипотезахъ. Такъ какъ эта душа, кроме познанія, проявляется и въ другихъ дѣятельностяхъ, напр., въ желаніи и чувствѣ, то, конечно, знаніе служитъ средствомъ или орудіемъ для этихъ дѣятельностей: нельзя желать, не зная желаемаго объекта, нельзя чувствовать безъ представлениія. Но, служа орудіемъ для другихъ потребностей духа, знаніе *также* и само по себѣ есть потребность и цѣль того же духа и въ качествѣ этой цѣли получаетъ форму *истинны*, т. е., такихъ понятій или сужденій, съ которыми соединено *сознаніе* полной увѣренности и ничемъ не возмущаемой яс-

ности въ нихъ. Далѣе къ этому уже сознанію присоединяется другое сознаніе: сознаніе чувства истины, чувства на столько интенсивного и мощного удовлетворенія, что оно не рѣдко безстрашно борется и побѣждаетъ величайшія угрозы и страданія. Конечно, я думаю, мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, что самое интенсивное чувство истины соединено съ сознаніемъ обладанія философской истиной. Съ другой стороны не вѣрно и то, что могутъ быть приобрѣты помимо философіи тѣ первыя основанія, на которыхъ стоятъ другія науки, напр., математика и естествовѣденіе. Въ древности была собственно одна наука, именно, философія, и только въ новое время началось обособленіе наукъ въ различная специальности. Поэтому первыя основанія древней математики и геометріи получены этими науками отъ философіи, ибо тогда люди, специально потомъ получивши имя философовъ, какъ напр., Платонъ или піегорейцы, были въ то же время и математиками. Точно также и люди, занимавшіеся специально математикою, какъ напр., Феодоръ Киренейскій, встрѣчаемый въ платоновомъ діалогѣ: „Теететъ“, были въ то-же время и философами. Тѣсная связь математики и естествовѣденія съ философіей и взаимная помощь ихъ другъ другу продолжались черезъ всю исторію науки до нашего времени. Не забудемъ, что такие великие философы, какъ Декартъ, Лейбница, Кантъ были и великими учеными въ математикѣ, или въ физикѣ. Точно также такие ученыe, какъ Галилей, Кеплеръ, Даламберъ, Ньюtonъ, Гюйгенсъ и проч., принимали участіе и въ движениі философской мысли своего времени. Да и теперь не рѣдко выдающіеся ученыe, напр., Риманъ¹⁾, Гельмгольцъ принадлежать къ тому или другому философскому направлению. Узенькій позитивизмъ частныхъ наукъ, въ послѣднее время ничего не хотящій знать о философіи, охватываетъ по преимуществу заурядныхъ дѣятелей математики, естествовѣденія или историческихъ наукъ.

¹⁾ Риманъ, известный математикъ, былъ германецъ. Примѣчаніе редактора.